

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Объятия
бездны

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован
коллаж из рисунков художника *В. Петелина*

Л47 **Леонов, Николай Иванович.**
Объятия бездны / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2018. —
320 с. — (МУРу — 90 лет. Лучшие романы Н. Ле-
онова).

ISBN 978-5-04-090650-5

Полковника Льва Гурова разбудил среди ночи телефонный звонок. Звонивший, генерал Орлов, сообщил, что буквально пару часов назад четверо молодых людей выбросились с балкона пятнадцатого этажа элитного дома. Все погибшие — дети очень высокопоставленных людей, в том числе сотрудника Администрации Президента. И именно поэтому это дело поручается ему, Льву Гурову, самому лучшему столичному следователю. Полковник начинает расследование и очень скоро приходит к выводу, что оснований для совершения суицида у молодых людей не было. Но и убийством случившееся не являлось — есть неоспоримые доказательства. Так что же заставило четверых богатых и здоровых парней распрощаться с жизнью?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Макеев А., 2018**
© **Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018**

ISBN 978-5-04-090650-5

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал Федор Иванович Тютчев. Но, если «слово» поменять на «дело», смысл, в общем-то, останется тот же. Ведь Александр Грехем Белл, патентуя в 1876 году телефон, тоже не предполагал, какой шквал яростных высказываний будет вызывать через поколения его изобретение. Впрочем, если авторство Белла все-таки подвергается некоторому сомнению, то разбуженный среди ночи полковник-важняк Лев Иванович Гуков был взбешен без всякого сомнения. Он откровенно высказался сначала в адрес самого телефона, потом его изобретателя, а сняв трубку стоявшего на прикроватной тумбочке аппарата, собрался было поступить точно так же с самим звонившим, но не получилось, потому что это был генерал-майор Петр Николаевич Орлов, его друг и начальник. Причем сначала друг, а уже

потом начальник, который ни в коем случае не стал бы беспокоить Гурова, если бы у него самого земля под ногами не горела. А никто другой просто не решился бы будить Гурова — все-таки положение уже не то, чтобы его, как мальчишку, по тревоге поднимали.

— Что на этот раз? — раздраженно буркнул Лев.

— Пока не знаю, Лева. Меня самого замминистра с постели поднял, но и он толком ничего не знает: то ли массовое самоубийство, то ли убийство, — ответил Петр. — Но в деле замешаны дети очень, — подчеркнул он, — высокопоставленных родителей.

— Господи! — простонал Гуров. — Как же я не люблю эти дела! Чуть копнешь поглубже — и в такое дерьмо вляпаешься, что потом отмываться замучаешься! Слушай, а может, ты как-нибудь без меня? — просительно сказал он. — Ну, придумай что-нибудь! Имею же я право заболеть, в конце концов!

— Прости, Лева, но приказали поручить это дело именно тебе. Ты же у нас лучший из лучших, а за славу надо платить! Так что жду тебя на месте то ли преступления, то ли происшествия — это уж как карта ляжет. Кстати, Стаса я уже вызвал и только потом тебе позвонил — цени, что дал тебе хоть немного еще поспать!

— Отец-благодетель, блин! — не сдержался

Лев, но Петр его уже не услышал, потому что положил трубку.

Настроение Гурова, и так далеко не безоблачное, было испорчено окончательно. Днем его жена Мария Строева, народная артистка России, надолго уехала за границу на съемки, но это дело обычное, а вот то, как она тщательно и придирчиво собирала сумку, рассматривая каждую вещь только что не под микроскопом, прежде чем положить ее в чемодан, Льву не понравилось. И хотя он подумал, что проблемы нужно решать по мере их возникновения, а не накручивать себя раньше времени, некоторый неприятный осадок в душе остался. А теперь еще это дело добавилось! И он не без оснований предполагал, что нервы ему потреплют изрядно. Плавали! Знаем!

Элитная высотка в тихом центре Москвы, несмотря на глубокую ночь, светилась огнями, как новогодняя елка гирляндами. Это сравнение было тем более уместным, что очень многие окна оставались темными: кто-то покупал квартиры для вложения средств, потому что недвижимость в Москве никогда не подешевеет, а кто-то был просто в отъезде — лето, август, сезон отпусков, и этим все сказано.

Подъехав ближе, Лев был вынужден оставить машину, потому что оцепление выставили

неслабое — уже за квартал до высотки никого не пропускали. Гуров достал удостоверение и пошел дальше пешком, причем предъявлять его приходилось постоянно, буквально через каждые несколько шагов. Добравшись наконец до высокого решетчатого забора, ограждавшего территорию вокруг высотки от внешнего мира, Гуров увидел, что все пространство перед воротами заставлено автобусами СМИ — такие новости, как ни старайся, в тайне не сохранишь, потому что любой дежурный или кто-то еще не прочь подзаработать и слить горячую информацию журналистам. А вот за воротами, наряду с крутейшими иномарками жильцов, соседствовали машины полиции, «Скорой помощи» и труповозка. Журналисты прилипли к забору, нацелив свои видеокамеры между прутьями на то, что происходило внутри, потому что дальше их не пускали. Бойцы оцепления стояли насмерть, на льстивые речи не поддавались, на взятки не клевали и ничего не говорили. Лицо Гурова было пишущей братии хорошо знакомо, и все тут же бросились к нему.

— Господа журналисты, — предупреждая возможные вопросы, быстро проговорил он. — Вы сами видели, что я только что подошел, поэтому при всем желании ничего вам сказать не смогу, сам еще ничего не знаю. На том извините.

Не без труда и под вспышками фотоаппаратов — как знать, вдруг какой-то кадр когда-нибудь да пригодится? — он пробился сквозь толпу и вошел за ворота. Суэта там творилась страшная, люди метались, как оглашенные, крик стоял такой, что уши закладывало, и Лев, правильно сориентировавшись, направился туда, откуда раздавался самый громкий — не зря же говорят: орет, как потерпевший. И застал он картину классического начальственного разгона, причем устраивал ее не Орлов, а какой-то совершенно незнакомый Гурову гражданский тип, и как раз Орлову. Петр же стоял, багровый от ярости, но, видимо, ничего сделать не мог, вот и приходилось терпеть. Гуров хорошо знал, что у страдавшего повышенным давлением Петра после вот таких разносов может гипертонический криз случиться, и решил вмешаться.

— Господин генерал-майор! Полковник Гуров по вашему приказанию прибыл! — сказал он.

Ответить ему Петр не успел, потому что гражданский тип мигом переключился на Льва.

— А-а-а! Так вы и есть тот самый знаменитый Гуров! — воскликнул он. — Долго же собирались! Ваш начальник уже давно на месте преступления, а вы не соизволили поторопиться!

— Представьтесь, пожалуйста! — попросил Гуров, хотя никаких просительных интонаций в его голосе как-то не прозвучало — это был

скорее приказ. — Должен же я к вам как-то обращаться.

Это было, в общем-то, справедливо, и гражданский назвал себя:

— Алексей Юрьевич Попов, член Администрации президента.

— Что член, уже вижу, — безразличным тоном заметил Гуров.

Взгляд Попова мигом изменился: только что он был гневным и одновременно немного растерянным, а тут вдруг стал холодным, словно два ружейных ствола на Льва смотрели.

— Я думал, что вы наш новый министр внутренних дел или, по крайней мере, его заместитель, раз позволяете себе так орать на генерала полиции, — продолжал Гуров. — А вы, оказывается, человек гражданский. Кто же дал вам право оскорблять сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей? Кто наделил вас такими полномочиями? Президент России? Глава Администрации? Полагаю, что ни тот ни другой. Так что это ваша неорганизованная самодеятельность и личная инициатива. Вон там за воротами журналистов собралось — видимо-невидимо. Я сейчас к ним выйду и расскажу о вашем поведении — вот уж они обрадуются! Их же хлебом не корми — только дай возможность властей предержавших помоями облить. Ну, и долго вы после этого

членом, — выразительно произнес он, — останетесь?

— У меня только что сына убили! — четко и раздельно произнес Попов.

— Я сочувствую вашему горю, но это еще не повод, чтобы унижать честь и достоинство высших офицеров, — заметил Гуров. — Кроме того, как я понял, могло иметь место самоубийство, так что не будьте столь категоричны.

— Мой сын и самоубийство — вещи несовместимые! — твердо заявил Попов. — Он не мог его совершить!

— Тогда самое лучшее, что вы в этот момент можете сделать, — это утешить свою жену, — посоветовал Лев, кивком показав на труповозку, где, прислонившись к ее грязному боку, рыдала какая-то женщина. — А мы тем временем начнем работать. Засим разрешите откланяться.

Гуров взял Орлова под руку и отвел в сторону. Петр достал из кармана пузырек с лекарством и бросил под язык сразу две таблетки, потом вытер лицо большим клетчатым носовым платком и только после этого сказал:

— Да, Лева! Ты действительно безбашенный! Ни авторитетов, ни законов не признаешь! Думаешь, ты его окончательно укротил? Фигушки! Он завтра на работе такую бучу поднимет, что как бы нам погон не лишиться!

— Брось, Петр! — отмахнулся Лев и насмешливо добавил: — Членов много, а Гуров — один! Ты же знаешь, я не пропаду! А со мной и ты со Стасом! Так что мы еще поживем! Кстати, где Крячко? Ты же его раньше, чем меня, поднял, значит, уже должен быть здесь, а его не видать.

— Вот он-то как раз уже вовсю работает! В самой гуще событий, можно сказать! В самом центре кипящего котла страстей! — ехидно ответил Орлов.

— И это в благодарность за то, что я тебя от Попова спас! — притворно вздохнул Лев. — Ладно! Шутки в сторону! Что здесь произошло?

— А я знаю? — огрызнулся Орлов. — Только разбираться начал, как на меня Попов налетел. Это Стас, мигом сориентировавшись, бросился все подробности выяснять, так что нужно его подождать.

— Некогда ждать! Пошли его искать, — предложил Лев.

Станислав Васильевич Крячко, тоже полковник-важняк, был третьим в этой компании друзей. Он уступал Льву во многом: не был таким блестящим аналитиком, не мог на несколько ходов просчитать поведение преступника и возможное развитие ситуации или, например, вытянуть из свидетеля то, что тот и видел-то мельком, причем уже давно, но вот опером был от Бога! Разговорить нужного

человека на любую тему для него — раз плюнуть, мгновенно стать своим в доску в чужой компании — проще простого, перевоплотиться в бомжа, алкаша да в кого угодно — дело простое и привычное. И в этом Гуров уже ему уступал, потому что при своей, как когда-то шутили, белогвардейской внешности и холодной вежливости втереться в доверие к человеку ему было сложно, а вот пройдоха Стас, хитро поблескивая глазами, мгновенно располагал к себе, а уж когда начинал рассказывать анекдоты, причем мастерски!.. В общем, в этом он Гурова переигрывал начисто! Вот и сейчас Лев понимал, что Крячко уже успел узнать намного больше, чем смог бы Орлов из самого подробного доклада.

Тем временем труповозка уже уехала, да и большая часть машин — тоже. Возле дома остались только свои, так что можно было поговорить свободно, но в целях безопасности — журналисты не дремали! — в помещении. Для этих целей был выбран холл дома, где и присесть есть на что, и охранника предварительно выставили покурить во двор.

— Что мы имеем? — спросил Орлов. — И давай без «товарищ генерал» и всего такого! Пока в общих чертах, а там будем копать вглубь. Кто начнет?

— Давайте я, — предложил какой-то незна-

комый человек в гражданском и представился: — Полковник Симонов, начальник райуправления полиции, правда, пребываю в этой должности всего около месяца — был переведен из Бирюлево.

— Минутку! А где Тихонов? — удивился Гуров.

— Ушел на повышение в городское управление, — ответил Симонов.

Услышав это, Орлов и Гуров недоуменно переглянулись, потому что оба хорошо знали цену Тихонову — тот, мягко говоря, звезд с неба не хватал, да и сволочью был изрядной. Но сейчас ни думать на эту тему, ни удивляться такому внезапному и еще более неожиданному повышению довольно слабого работника было некогда, и Петр сказал:

— Докладывайте, полковник!

— Вызов от охранника, что в этом доме работает, поступил в 1.21 ночи, — начал тот. — Он сказал, что ему позвонили из одной квартиры и сообщили, что мимо их окон пролетело что-то большое, непонятное, но ужасно кричащее. Парень вышел посмотреть и увидел на асфальте четыре голых мужских тела, лежавшие лицом вниз. Хотя телами их назвать было уже нельзя — окровавленные мешки с костями. Он к ним даже близко подходить не стал — и так было ясно, что жмурики, — и тут же позвонил

дежурному райуправления. Дом, сами видите, какой — сплошные шишки живут, так что выехали сюда сразу по полной программе, да и мне мигом сообщили, поэтому я тоже практически с самого начала здесь. Тела сфотографировали, перевернули, но ясности это не внесло, потому что от лиц практически ничего не осталось. Охранник к тому времени уже проблевался, нашатыря нанюхался, в общем, более-менее в себя пришел и сказал, что это, скорее всего, Юрий Попов из 28-й квартиры, что на пятнадцатом этаже, и три его друга, которые где-то за полчаса до этого пришли, причем были они веселые, радостные, ржали все время. Мы туда сначала по телефону позвонили — вдруг охранник ошибся? Долго звонили, но никто не отвечал. Потом поднялись, стучали в дверь, звонили... Без толку. Решили дверь вскрывать, но тут охранник насмерть встал: не положено! Надо хозяина вызывать, а это Попов из Администрации президента. Он эту квартиру сыну оставил, а сам за городом живет. Стали ждать. Приехал Попов довольно быстро, причем вместе с женой. Та во дворе, как увидела, что на асфальте лежит, так и рухнула. А папаша начал кричать, что это не может быть его сын и все такое, а потом вместе с нами на этаж поднялся — у него ключи были. Тут-то и выяснилось, что дверь изнутри закрыта. Пришлось взламыв-